

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И СОБИРАНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ СИБИРСКОГО ШАМАНИЗМА, ЕГО ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

В последние годы все более явным становится интерес отдельных лиц и социальных групп к шаманизму. К нему обращаются не только массы верующих, но и этнографы, этнологи, социологи, историки, религиоведы, культурологи. Немалое любопытство к нему проявляют журналисты и кинематографисты. Публикуются статьи и монографии, снимаются фильмы и защищаются диссертации, посвященные основополагающим аспектам шаманизма, смысловые потенции которых столь разнообразны, что могут бесконечно варьировать во времени и пространственно-территориальной взаимосвязи. Словно произошла некая массовая манипуляция общественным сознанием и абсолютная по-настоящему потеря реального времени. Автору известны несколько случаев обращения отдельных, казалось бы, образованных людей в шаманов и шаманистов.

Издревле имея планетарное распространение, шаманизм не прочь опять занять многие умы уже в наши дни. Ныне шаманизм вызывает интерес даже в странах Европы. Уже пишут в шутку, либо всерьез: «Призрак бродит по России (и Европе), призрак шаманизма» (1). Происходит накопление обширной историографии о шаманизме на многих языках мира. В 1932 году была опубликована библиография Попова, касающаяся сибирского шаманизма, в неё включено 650 наименований работ русских исследователей. Далее число публикаций шло по возрастающей. Современный западный историк религий Мирча Элиаде однажды заметил, что около 200 публикаций, касающихся различных видов шаманизма, были изданы после 1948 года. Сам он регулярно дополнял их своими глубокими исследованиями. Однако М. Элиаде так и не решился написать, что основные аспекты шаманской религии исчерпаны. Шаманское вероучение постоянно демонстрирует изменяемость, недаром его мир – вся планета.

Парадоксально, но факт: теперь шаманизм основательно изучают, пожалуй, активной, чем когда-либо. Ещё несколько лет тому назад в Интернете по шаманизму было отмечено 1171 сообщение, 460 статей и 76 интервью. Лишь за последние годы вышли десятки статей и монографий отечественных и западных исследователей, что продиктовано стремлением глубже «постичь тайные знания шаманов». Что ещё раз показывает неослабевающее внимание ученых к данному феномену. Шаманизм по-прежнему остается, чуть ли не единственным, доминирующим пластом традиционно-бытовой этнокультуры у коренных народов Сибири. Хотя официально объявлено, что эти народы обращены кто в православие, а кто и в буддизм.

Мирча Элиаде как то высказал убеждение, что «Шаманизм в строгом смысле – это прежде всего сибирское и центральноазиатское религиозное явление» (2). Многие исследователи уверены, что именно сибирский шаманизм достиг наиболее высокой степени интеграции и развился в ярких формах. На обширной сибирской территории находится немало национальных ареалов и этнических групп, исповедующих шаманизм. Шаманизм у монголоязычных народов, как и у тюркоязычных (тофалары, алтайцы, хакасы, шорцы и др.) и тунгусо-маньчжурских (эвенки, гольды, орочи, гиляки и др.) имеет общие корни. Одно лишь это указывает на неоспоримую иноплеменную духовную и физическую связь между ними в далеком прошлом. «Чертежная книга Сибири» (1699–1701) С.У. Ремезова показывает нам соседство юрт бурят и тунгусов. О том же свидетельствует дневник плавания Н.Г.

Спафария по Ангаре в середине 1670-х гг. «Этого достаточно, чтобы предположить об их смешении», – писал в дневнике 1874–1888 гг. Н.Н. Чемисов, ставивший перед собой «задачи предстоящего исследования бурят» (3).

Напротив, подобного нельзя сказать, например, о шаманизме австралийских аборигенов, где обнаружены его зачатки. Пережитками шаманизма грешит культура венгров (4). Сохраняется шаманизм в Южной Корее, где только зарегистрированных шаманов не менее 100 тысяч. А какое их число у народов Китая? Здесь такие традиционно религиозные и философские учения Поднебесной как даосизм, конфуцианство и буддизм ушли на второй план в маньчжурский период страны. Тогда в эпоху Цин с 1644 по 1911 годы государственной религией Китая являлся шаманизм. При дворе был разработан и издан в Пекине шаманский служебник, по которому все шаманские обряды и жертвования надлежало исполнять неукоснительно.

Безусловно, шаманизм имеет общие корни. Однако в целом классификация его исследователями вызывает неоднозначную оценку. Как расходятся языки, на которых совершаются призывания шаманов, так и разнятся суждения о шаманизме. И это небеспочвенно. Даже в масштабах отдельного этнокультурного образования наблюдались существенные различия в шаманской практике. Иная неадекватная реакция исследователей на собранные в этой отрасли фактические сведения проявлялись по мере углубления в характерные признаки шаманизма, в его разные стадии локального происхождения.

Что же до сих пор вызывает столь пристальное внимание людей, казалось бы, давно ушедшей в прошлое эзотерике древнейших поверий и культов. Ведь на фоне существующих мировых религий, тем более в сопоставлении с ними, шаманизм кому-то кажется в высшей степени анахронизмом. От этого мнения не отмахнуться. Оно имеет право быть. Однако смеем предположить, что будет такое суждение превратным, даже блажью не мудрствующего взгляда, да не глубоко осмысленного суждения о шаманизме. Вообще кто может знать, долго ли еще химерическое сознание будет порождать нелепость архаических страстей. Ведь шаманизм нечто другое, чем ортодоксальные религии. Если буддизму – 25 веков, христианству – 20 веков, да и мусульманству не намного меньше. Столетиями, мало-помалу, главным религиозным учениям благоприятствовало, как говорят христиане, благолепие «духа и истины», идеальная полнота мира, изложенная в воззрениях рассудительных богословов. Написанные ими книги доступны любому желающему, стремящемуся к всестороннему просвещению. По ним ему не составит особого труда ознакомиться с историей учений и по мере необходимости найти комментарии к ним.

Казалось бы, в шаманизме всё проще, но простота та и влечёт особого рода сложности в его познании. Из-за отсутствия в шаманизме теологов - самых авторитетных толкователей веры, способных описать его догматы, возникает много неясностей. И только постепенно, по мере проникновения в суть шаманизма, стали выявляться отличия этого древнего верования от других религиозных форм, более молодых и более органичных по своей структуре.

Немаловажное значение имеет определение правильного вектора в познании, как отдельных анимистических культов, так и обрядовых культов политеизма и фетишизма в шаманизме. Отсутствие в среде шаманистов единого мнения в понимании веры в существование души, в многообразии богов, духов и всевозможных рукотворных идолов вызывает большие трудности в их классификации. Поэтому очень сложно идентифицировать историко-культурные и религиозные процессы, происходящие внутри этногенеза сибирских народностей.

Сегодня никто толком не может сказать даже, когда именно возник и откуда пошел шаманизм. Стало быть, не сложно покуситься на его основы. Тем более что истоки шаманизма теряются в тумане истории человечества. Теперь каждый волен обосновывать и толковать по-своему хронологию шаманизма. Так, по мнению исследователя М. Харнера, шаманским обрядовым методам по крайней мере 20-30 тысяч лет (5). Строго говоря, точную

историю происхождения шаманизма учёные не знают. Поэтому ими выдвигаются разные предположения. Известный учёный-востоковед Г.Н. Румянцев сообщал, что бытует идея некоторых ученых сблизить шаманизм с зороастризмом древнейших персов (6). «У персов нет обычая почитать идолов, строить храмы или воздвигать алтари; они даже обвиняют в нечестии тех, кто так поступают» – писал Геродот (7). Зороастризм создала одна из ветвей арийской расы. Это учение было распространено через проповедь Заратуштры от «Бактрии до Мидии и оттуда – под именем мадизма – т. е. «могущественные» – по всей Центральной Азии» (8). Позже в Азии, особенно в центральной ее части, находили статуи основателя религии, высоко почитавшего Землю и все сущее на ней (9). От Первоначального света (Аур) произошел бог Ормазд – Ахурамазд – Хормуст, последний упомянут во многих азиатских эпосах, но прежде в шаманской мифологии.

Развитый в иранской культуре культ Митры, гений небесного света, владыка обширных пастбищ, почитался наряду с Ахурамаздой (10), был занесён по одной из версий в Центральную Азию и Сибирь из античного мира в форме мало известной религии «бон». Теперь её считают религией тибетцев, называемой ими бон-по. В ней нашлись «элементы митризма и староиранского зороастризма. Уже из бона шаманский элемент проник в культы Тибета, Бутана, Сиккима, Внутренней Монголии» (11).

Как отголосок древней религии во французском языке закрепилось слово «bonze» в значении священник, тот же корень «бон» сохранен в слове «бонза» – буддийский священник в странах Азии. В японском языке употребляется словосочетание «бон-мацури» – буддийский праздник поминания душ умерших, истоки которого лежат в языческом синтоизме. Его же основа – шаманизм. Шаманы гольдов Приамурья словом «бон» именовали духа, возвратившегося в тело человека, пережившего литургический сон (12). Приведённая ретроспекция слова «бон» отчасти иллюстрирует историческую взаимосвязь. Но не более того. Без достоверных источников вопросы всегда будут следовать до и после выдвинутых гипотез. Теперь заглянуть в сибирскую древность, чтобы шире представить себе хотя бы хронологию шаманизма, возможно разве что с помощью археологии.

На Байкале в бухте Саган-Заба, как и в других местах озера, на скалах встречаются петроглифы с антропоморфными фигурками, в том числе многочисленные изображения рогатого человека. Подобные рисунки человека, на голове которого шаманская «рогатая шапка» зафиксированы на скалах Минусинской котловины (13). Некоторые исследователи видят в таких примитивных начертаниях изображение шамана, исполняющего свой неистовый эксцентричный танец. Можно предположить, что рогами того человека могла служить корона шамана типа майхабша – железная корона с рогами (у бурят), или иной ее аналог как, например, металлические рога «тимо» и шапка – хоя у гольдов Приамурья. Так божество Солнца – Ваалама (Вал) представлялось язычникам с рогами – месяцем в Финикии и Сирии и Скандинавии. Древние писаницы и изображения шаманов, влекущих к себе изображением магического ритуала, еще можно встретить на скалах по берегам таежных сибирских рек. Достопочтенную древность шаманизма подтверждают вскрытые археологами погребения Глазковской культуры (XVII-XIII вв. до н. э., охватывают территорию от Енисея до Байкала), хранившие атрибуты шаманов (14).

В Азии с шаманами сталкивались постоянно. И не только малочисленные народы и народности испытывали в нём потребность. Но и крупные этносы были подвержены религиозному воздействию шаманизма. Оно довлело над всеми народами, обитавшими от Волги (в древности р. Ра) до Восточного океана. «В русской традиции Волх одновременно и шаман, и князь-воин» (15). Когда в VI в. византийские послы посетили ставку тюркского кагана, там им довелось наблюдать камлание шаманов (16).

Шаманизм не остался без внимания русских служилых землепроходцев, чьи устные донесения (сказки), письменные отчёты (отписки), челобитные, всевозможные заметки чрезвычайно ценны пытливым тонкой наблюдательностью. По мере продвижения вглубь

Сибири они слали пронизательные сообщения воеводам о встрече с туземным населением, писали о быте и вере их. Памятные наблюдения о сибирском крае сделал Аввакум Петров, один из идеологов старообрядчества. Как и голландец на русской службе Эборгард Избрант Идее (Елизарий Избрант), возглавивший в 1692 г. посольство в Китай, чьи «Записки о русском посольстве в Китае» читала вся Европа, черпая оттуда же сведения о Сибири и её народах. Примечательные наблюдения о сибирском безмолвии и безлюдье оставили иностранные путешественники, в чьих заметках хватает и фантазии и реальности. Любовање «благородными дикарями», неиспорченными и не развращенными цивилизацией, которые по своим моральным качествам якобы превосходили другие народы. Схожие представления о Сибири и её обитателях помещены в Британской «Россике» (17). Один из таких публицистов Дж. Белл в апреле 1720 г. прибыл в Иркутск и этому английскому путешественнику был представлен бурятский шаман и весь обряд камлания (18).

Проникнуть в сущность сибирского шаманского мировоззрения, дать ему объективное объяснение пытались многие. Даже такой, казалось, малоизвестный факт, как написание обширного труда о бурятах, выполненного неким Ренье, учителем детей иркутского губернатора А.И. Бриля (1767–1776), говорит о нарастающем интересе к изучению сибирских народов, начиная с века просвещения (19). В 1787 году императрица Екатерина II сочинила на немецком языке комедию «Шаман сибирский» в пяти действиях, которую ставили в Санкт-Петербурге и Берлине. К тому времени уже было немало сообщений о сибирском шаманизме. Хотя сведения о нём не всегда были точны. Как отмечал В.М. Михайловский, большинство работ о шаманстве носили поверхностный характер, их авторы «...останавливались лишь на внешностях и рассматривали вероучения шаманистов как собрание грубых бессмысленных бредней, порожденных глубоким невежеством» (20). Этим грешили немецкие исследователи, которых в большей степени занимали необычные для них процессы культовых обрядностей и в меньшей степени – суть дела и глубина шаманского мировоззрения. Они особо не утруждали себя желанием проникнуть в детали загадочного и во многом не понятного им симбиоза культов и веры. Этнограф Георги и его соотечественник С.Г. Гмелин смотрели на шаманизм с нескрываемым высокомерием лютеран.

Первые попытки глубже проникнуть в вопросы шаманизма сделали русские исследователи. Среди них Г. Новицкий первый описал в 1715 г. культуру хантов (остяков). Правда, его сочинение раньше вышло в свет за границей на немецком языке и под чужим именем. В. Зуев собрал сведения об остяков и самоедов, издано в 1771. Следом Ф. Белявский дал развернутую характеристику хантыйского шаманства, опубликовано в 1833 г. Другие исследователи постепенно вносили в общую копилку знаний редкие важные элементы быта и обычаев шаманистов. К выводам и обобщениям русских исследователей вынужденно обращались иностранцы, публикуя у себя их материалы, не особо заботясь при этом об упоминании имен авторов. Ряд полезных сибирских этнографо-лингвистических экспедиций совершил в 1840-х гг. финский ученый М.А. Кастрен (21). В 1877 г. была совершена шведско-норвежская экспедиция к устью р. Енисей, участники которой собрали богатый фактический материал по этнографии и религии коренных народов края.

С образованием в Иркутске Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества (1851 г.) активизировались этнографические наблюдения и сбор сведений о потаённом мире шаманистов. В 1854-1855 гг. совершил научную экспедицию в Вилюйский округ Р.К. Маак, чиновник особых поручений Главного управления Восточной Сибири и член-соревнователь СОРГО. Затем в 1855-1856 гг. Маак побывал на Амуре, а 1861 в Уссурийском крае. Во всех трёх экспедициях, помимо описания маршрутов следования экспедиций, особенностей климата, почвы, растений и т.п., Маак большое внимание уделял этнографии и религии народов, встречавшихся на пути. Так, находясь в Якутской области, он отмечал кумысный праздник у якутов, устраиваемый под открытым небом, наблюдал камлание шамана у тунгусов. Вот как Ричард Карлович описал личное впечатление от

встречи с шаманом: «Кривлянья продолжались около десяти минут, затем шаман вдруг замолк и пронзительным голосом возвестил, что пришел дьявол и просит подарков. Присутствующие тунгусы бросили ему платок, который он поймал налету и начал рвать приговаривая: «худо, худо, не годится». Я бросил свой шелковый платок, который он также поймал налету, и закричал: «хорош, славный подарок». Получив такой, сравнительно дорогой, подарок, шаман пришел в полный азарт, начал плясать около огня, поднимая над головой то бубен, то колотушку и дико озираясь во все стороны» (22).

Правитель дел ВСОИРГО Н.Н. Агапитов активно собирал материалы о шаманизме в Иркутской губернии, для чего, скажем, в 1882 году ездил в Балаганский округ, где осматривал онгоны Хангинского рода (23). В следующем году Н. Агапитов, будучи в командировке в Забайкальской области, продолжил исследование шаманизма у Кударинских бурят (в устьях р. Селенги), ещё не принявших буддизм. Тогда же им были собраны материалы о веровании степных тунгусов (по р. Турге) ведомства князя Гантимурова, где удалось приобрести коллекцию онгонов (24). Н. Агапитов же составил «Опыт программы для изучения верований инородцев Сибири (так называемого шаманства)», на которую очень скоро откликнулись разные представительства и отдельные лица. В 1885 г. в адрес Восточно-Сибирского Географического отдела поступило сообщение от Якутского областного статистического комитета, о сведениях, собранных о шаманском веровании якутов, на основе программы Н. Агапитова (25).

Известный исследователь Центральной Азии Г.Н. Потанин серьезно интересовался устными и письменными преданиями, мифологией и общей историей шаманизма. Что собственно послужило ему основанием в 1888 г. составить «Программу для собирания сведений о сибирском шаманстве». А.В. Потанина, неизменный участник восточных экспедиций мужа, талантливый публицист, также неоднократно обращалась к шаманским обрядам монголов и бурят.

Будучи в 1912 году в Иркутске профессор В.И. Анучин сделал сообщение «О шаманизме у енисейцев Туруханского края» (26). А в 1918 году в Томске В.И. Анучин опубликовал «Программу шаманистов». Её первая часть включала 90 С., в 1919 г. вышла вторая часть 28 С.

Во всех названных трёх программах авторы ориентировали этнографов и любителей на то, чтобы те обращали внимание на отличительные особенности шаманских костюмов, на культы и обрядовую практику у разных сибирских народов. Чтобы они же собирали сами и всячески способствовали поиску шаманских принадлежностей для музея Отдела.

В 1885 году В.Л. Приклонский сделал в музее ВСОИРГО сообщение «О шаманстве у якутов». Из его сообщения можно было сделать вывод, «что представители православия в Якутской области абсолютно бессильны в борьбе с шаманством. И хотя якуты считаются православными, но на деле они далеко от того, чтобы считаться вполне православными» (27).

В 1891 г. в Санкт-Петербурге под редакцией Г.Н. Потанина был опубликован труд Д. Банзарова «Чёрная вера или шаманство у монголов (диссертация 1846 г.) и другие статьи». Хотя Д. Банзаров был ограничен в литературе о шаманизме, но это не помешало ему рассмотреть основные аспекты темы и дать им надлежащую оценку. Кстати, Д. Банзаров обратил внимание на обстоятельства слияния шаманизма с буддизмом через обновлённые старые молитвы, через остатки древней монгольской мифологии и прочие. Тем самым, он положил начало последовательному обращению к этой теме другим бурятским исследователям.

Не оставались равнодушными к шаманизму и православные священники. Представитель ВСОИРГО священник И.А. Подгорбунский, помимо описания коллекций по буддизму, делал обзор коллекций по шаманизму в музее Географического Общества. В 1895

году он же составил учебное пособие «Шаманские верования монголов и бурят» для слушателей Иркутской духовной семинарии, содержащее основные понятия о шаманизме. В православной семинарии имелась довольно-таки неплохая коллекция предметов, принадлежавших различным конфессиям и культурам. Будущим православным духовным лицам особенно необходимы были глубокие знания, так как им в своей практической деятельности суждено было постоянно сталкиваться с сибирскими иноверцами. Без понимания основ чуждой веры трудно было вступать в полемику с простыми людьми, тем более их пастырями. Другой священник-миссионер В.Ф. Копылов, постоянно находясь в непосредственном соприкосновении с бурятами, не без интереса наблюдал шаманские обряды, жертвоприношения и тайлганы бурят. По этому поводу в 1880-е годы были опубликованы ряд его статей в «Иркутских Епархиальных ведомостях» (28). Православные миссионеры, отцы церкви: Иакинф, Архим, Палладий, А. Протодиаконов и Прокопий Протодиаконов, будучи на Амуре постоянно уделяли внимание духовной жизни тунгусских племен. Их наблюдения за туземцами отложились в ряде этнографических статей, опубликованных в печати, включая «Записки» Приамурского отдела РГО (29).

В 1895–1897 г.г. при финансовой поддержке золотопромышленника И.М. Сибирякова состоялась Якутская экспедиция к Ледовитому океану. Её научным руководителем был Д.А. Клеменц, археолог и этнограф, постоянно собиравший шаманские атрибуты. В состав экспедиции входили ссыльные: В.Г. Богораз, ставший впоследствии писателем, знатоком северных народов, В.М. Ионов, народник, проживший в Якутии 28 лет, В.И. Иохельсон, собравший три этнографические коллекции (хранятся в Кунсткамере МАЭ), Э.К. Пекарский, который занимался изучением якутов, и другие лица, оставившие после себя материалы и коллекции по этнографии тунгусов и якутов. Многие из того, что удалось собрать и описать членам той экспедиции, ныне хранятся в фондах Иркутского областного краеведческого музея – наследнике музея Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества.

Постепенно в музее ВСОИРГО накапливался материал по шаманизму, собранный разными лицами по всей Сибири. Когда в 1892 году в Москве проходил первый Международный конгресс доисторической археологии, антропологии и зоологии, то участникам конгресса была организована выставка результатов раскопок, а также показана коллекция принадлежностей шаманского культа из музея Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического общества, на что было обращено особое внимание членов конгресса (30). Таким образом, сибирскую шаманскую коллекцию ВСОИРГО впервые увидели в Москве, в том числе и отдельные представители европейской науки.

Из всех сибирских народностей наиболее заинтересованными в познании собственной истории и самоопределения себя в ней были буряты. Они собирали сведения о быте, условиях жизни и религии своего народа. Однажды буряты пожертвовали Географическому обществу 1700 рублей, немалые средства для XIX века, чтобы Отдел ещё больше способствовал активному поиску исторических и религиозных корней народа (31). Вклад бурят в формирование музейных фондов ВСОИРГО был столь значительным, что не остался не замеченным. В ноябре 1916 года на имя представителя Бурятского общества М.П. Трубачевой было отправлено письмо: «Милостивая государыня Мария Петровна! Распорядительный Комитет, в заседании 2 ноября с. г., доклад Правителя Дел о пожертвовании Бурятским обществом значительной бурятской этнографической коллекции, постановил выразить в лице Вашего местного Бурятскому обществу глубокую благодарность за означенные щедрые пожертвования. Правитель дел И. Серебrenников»(32).

Со временем среди бурят объявились свои этнографы, которые на любительском и профессиональном уровне обнаруживали и фиксировали в полевых условиях собственные концептуальные представления о шаманизме и шаманах. Среди них член ВСОИРГО Петр Павлович Баторов (1850–1927). Ему довелось участвовать в создании бурятского отдела в Иркутском областном краеведческом музее. Баторов изучал космогонические представления

бурят, описал некоторые культовые места и традиции шаманских родов: тарасинских, кудинских, хородутских. К тому же он оставил материалы с пояснениями шаманских поклонений по таким направлениям, как происхождение хатов; описания различных онгонов; о посвящении в шаманы; собрал сведения о шаманском песнопении, тайлгане, шаманской присяге, записал легенды и предания бурят. В Улан-Удэ в Отделе памятников письменности Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН есть личный фонд П.П. Баторова. Ряд предметов шаманской материальной культуры Баторов передал на хранение в Иркутский музей ВСОИРГО. Так, в 1917 году П. Баторов сделал дар музею шаманскими принадлежностями с могилы умершего в Балаганском уезде шамана Степана Гадмаева. Ко всему прочему в 1891 году П.П. Баторов открыл по реке Белой коренное месторождение зеленого нефрита, так популярного в среде восточных резчиков по камню (33). Другой бурятский этнограф С.П. Балдаев после окончания в 1916 г. Иркутской учительской семинарии работал учителем в Прибайкалье. С 1913 г. с известным этнографом М.Н. Хангаловым, совершал познавательные поездки по бурятским стойбищам и улусам. Собранные ими этнографические материалы пополнили бурятские коллекции музеев Иркутска и Улан-Удэ.

Среди природных бурят, занимавшихся вопросами шаманизма, особняком стоит М.Н. Хангалов (1858–1918), подвижник бурятской культуры. Диапазон его интересов обширен: этнограф, фольклорист, исследователь и коллекционер. К тому же «М.Н. Хангалов, вслед за ним Б.Э. Петри передали крупные коллекции предметов бурятской культуры этнографическому отделу Русского музея и Музею антропологии и этнографии РАН С.-Петербурга» (34). Переданная им в Русский музей, бывший музей Александра III, этнографическая коллекция состояла из онгонов, описание которой заняло 18 листов. В 1891 году М.Н. Хангалов за собрание этнографических сведений о бурятах был награжден малой серебряной медалью Императорского Русского Географического Общества (35). Его коллекции приняли на хранение музеи Франции, благодаря чему он стал лауреатом Французской академии изящных искусств (36). В ноябре 1903 г. М.Н. Хангалову присвоен французский знак отличия, «Офицер академии» (37). Особой заслугой М.Н. Хангалова является его обращение к шаманизму. В этой области он проделал трудоемкую колоссальную работу. По мнению ученого-востоковеда Г.Н. Румянцева; «ни до него, ни после него никто из исследователей не мог собрать такого богатого фактического материала о шаманском мировоззрении, обрядах и культе» (38).

Вышеупомянутый Н.Н. Агапитов одним из первых заметил и оценил способности М.Н. Хангалова к исследовательской и собирательской деятельности. Н.Н. Агапитов оказал положительное влияние на молодого бурятского исследователя, с которым совершал этнографические поездки по бурятским улусам. Коллеги Агапитова по Географическому обществу Г.Н. Потанин, Д.А. Клеменц, сами проявлявшие интерес к восточной культуре, также всячески поддерживали Хангалова на его поприще исследователя. За труд Агапитова и Хангалова «Материалы для изучения шаманства в Сибири» (Шаманство у бурят Иркутской губернии), опубликованный в «Известиях» ВСОИРГО в 1883 г. Т. 14, авторы удостоились Малой золотой медали Географического общества. Предприниматель, известный коллекционер А.Д. Старцев финансировал издание М.Н. Хангалова «Новые материалы о шаманстве у бурят», выпущенного ВСОИРГО в 1890 г. Т.2. Вып. 1 (39). Трехтомное собрание сочинений М.Н. Хангалова (Улан-Удэ, 1958–1960), недавно переизданное, почему-то без комментариев, не вобрало в себя все труды исследователя о традиционной культуре и религии бурят. Ждут своего часа разрозненные, еще не опубликованные рукописи Хангалова с описанием шаманских коллекций и тетради с материалами по шаманизму, составленные им в разные годы. Одно такое описание Хангалов сделал по просьбе Председателя дел и хранителя музея ВСОИРГО И.И. Серебрянникова в 1917 г. Ему предшествовало письмо:

«Балаганск, Бильчиры М.Н. Хангалову.

Милостивый Государь Матвей Николаевич!

Распорядительный комитет, 23 ноября [1916 г.] постановил просить Вас не отказать приехать на Рождественские каникулы с. г. в Иркутск для определения и описания некоторых коллекций по шаманизму бурят и ассигновать на Ваш проезд из Бильчира в Иркутск и обратно 50 рублей + суточные + 5 рублей за труды. Председатель дел И. Серебренников» (40). Теперь та обширная опись находится в Государственном архиве Иркутской области. Рукопись на 197 листах представляет собой перечень и некоторую характеристику онгонов и их разновидностей типа рисованных зурэгов, других предметов шаманского культа общим числом не менее 423. Текст написан карандашом и черными чернилами на плотной пожелтевшей от времени бумаге. Названный источник представляет несомненный исторический и этнографический научный интерес. К тому же все эти сведения имеют непреходящую ценность хотя бы потому, что собирались и комментировались в период, когда еще не до конца были прерваны родовые традиции шаманов. Данное описание явилось продолжением того, что было Хангаловым составлено на 9 листах по коллекции онгонов в 1908–1909 г., хранящихся в Забайкалье. В перспективе на основе коллекций, собранных Хангаловым, Агапитовым, Баторовым и другими исследователями еще предстоит составить обширный научный каталог в Иркутском областном краеведческом музее.

М.Н. Хангалов умер в с. Бильчир Осинского района Усть-Ордынского Бурятского автономного округа Иркутской области. В 1962 г. в связи со строительством Иркутской ГЭС и подъема уровня Ангары прах этнографа с затопляемой территории решено было перенести в Новый Бичир (41). Жена Хангалова Дарья Михайловна бережно хранила архивное наследие мужа. В 1926 году основной архив М.Н. Хангалова поступил в Бурятский учредительный комитет (42).

В архиве ОППВ ИМБит БНЦ СО АН, в фондах личного происхождения, хранятся дела бурятских этнографов: сказители, собиратели легенд, преданий, пословиц, поговорок и сказок, чей материал во многом основан на шаманской вере.

Так, в 1930 г. Павел Мадасов собрал материалы о шаманизме байкало-кударинских бурят и онгоны Кудары; в 1940-е и 1950-е гг. Боторой Болдонов, Бата Зурбанов и другие этнографы сделали ряд пояснений об онгонах кудинских и аларских бурят. Культ онгонов – родовых духов-идолов потустороннего мира, главным образом персонифицированных, составляет неотъемлемую часть религиозных обрядов шаманов. Онгоны удивительным образом передают разнообразие этнографических видов во всем их временном и культовом диапазоне.

В 1920-30-е годы крещенный якутский исследователь Г.В. Ксенофонов активно занимался прикладной этнографией. Он собрал уникальные сведения по религиозному фольклору сибирских народов. В поле его зрения попал шаманизм тунгусов, якутов и бурят. Многие материалы Ксенофонов обработал в полевых условиях, например, в Эхирит-Булагатском районе при содействии шамана Михаила Степанова. Отсюда и значимость их возрастает. Личный архивный фонд Ксенофопова составляет более 20 тысяч листов, хранящихся в Якутском научном центре. Разумеется, рукописи требуют изучения и последующего издания (43).

В заключение отметим, что шаманизм представляет собой исключительное явление в области духовных символов, происхождение и эволюция которых всё ещё недостаточно освещены в печати. Большинство публикаций чаще затрагивают локальные случаи духовной жизни немногочисленных сибирских народов. Еще до конца не изучен шаманизм азиатской России. Существует много серьезных пробелов, что не позволяет говорить о шаманизме как об окончательно изученном деле во всех разнообразных аспектах темы. Здесь до сих пор нет

обобщающего труда по верованию сибирцев, нет и общепризнанной его схемы. Также уже не приходится говорить об этноконсолидирующей роли шаманского феномена. Ведь шаманизм никогда не выдвигал никаких религиозных доктрин, не имел своих идеологов и центров. И не без основания ведущие историки религии не спешат целиком погружаться и осмысливать всю полноту шаманкой практики. Сегодня в различных отдалённых субъектах Российской Федерации можно наблюдать «возрождения шаманизма». Не отстает от неё объединённая Европа и отдалённая Америка. Западные цивилизации столкнулись с экспериментированием личностного отношения к природе и познания реального и нереального мира, индивидуального и коллективного осмысления всего сущего. Собственно так было всегда. Но не всегда человеческое сообщество задумывалось, почему шаманы и шаманствующие испытывают тягу к столь древнему верованию, более того, порождают новых последователей этого архаичного явления. Вот почему в 1999 г. в Москве прошел международный интердисциплинарный конгресс по проблемам шаманизма. Его организаторы задались целью объединения естественнонаучных и гуманитарных исследований в этой области (44).

Многие музейные экспонаты шаманского происхождения хранят особую сакральность, чью тайну раскрыть для широкого обозрения наиважнейшая задача исследователей. Недавно на другом континенте Смитсоновский институт США, совместно с сотрудниками этнографического музея, создали тематическую экспозицию по программе диалоги культур – коренного населения Азии и Америки названную «Шаман и Вселенная». Ими была поставлена цель выставки – посредством предметов культа шаманов ознакомить современных людей с универсальностью духовной культуры (45). Значительно раньше, начиная со второй половины XIX века, сибирские музеи, где имелись этнографические собрания по шаманизму, неоднократно делали тематические выставки. Более того, уникальные передвижные экспозиции разворачивались в разных городах России и Америки в XX веке. Те выставки вызвали большой интерес у посетителей. Прежде всего, к таким музеям относится наследник музея ВСОИРГО Иркутский областной краеведческий музей. Точно также получили популярность шаманские принадлежности из собрания Красноярского краевого краеведческого музея, которые также демонстрировались не только в своём регионе, но и во многих городах Европы (46).

Примечания

1. Харитонов В.И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М. 2006. С. 103.
2. Мирча Элиаде. <http://www.junqland.ru/Libraru/Shamanism.htm>
3. 18. ГАИО. Ф. 293, оп. 1, д. 494, л. 6.
4. С.И. Вайнштейн. <http://www.cbook.ru/peoples/obzor/shaman.1.shtml>.
5. Харнер М. Дж.. Путь шамана или шаманская практика. М.1994. С. 39.
6. Отдел памятников письменности Востока. ИМБиТ БНЦ СО РАН (г. Улан-Удэ). Г.Н. Румянцев. Работы М.Н. Хангалова о шаманстве у бурят. Ф.17, оп.1, д.171, л.3.
7. Блаватская Е.П. Зороастр в «истории» и Заратуштра тайных писаний // Голос безмолвия: избранные статьи. М., 2001. С. 403.
8. Блаватская Е.П. Зороастр в «истории» и Заратуштра тайных писаний // Голос безмолвия: избранные статьи. М. 2001. С. 411.
9. Блаватская Е.П. Зороастр в «истории» и Заратуштра тайных писаний // Голос безмолвия: избранные статьи. М. 2001. С. 410, 414.

10. Кузнецов Б.И. Бон (Древняя тибетская религия). Опубликовано в: «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 15, Л. 1970 (совместно с Л.Н. Гумилевым). http://www.tibet2006.ru/tibet/bon_podrobno.htm, С.6.
11. Предсказатели и пророки. Шаманы. <http://tonos.ru/articles/shamans>.
12. Лопатин И.А. Гольды опыт этнографических исследований // Записки общества изучения Амурского края. Владивосток. 1922. Т. 17. С. 218.
13. Вяткина К.В. Наскальные изображения Минусинской котловины // Сборник музея антропологии и этнографии М.-Л. 1961. Т. 20. С. 191.
14. Наумов И.В. История Сибири: курс лекций. Иркутск. 2002. С. 28.
15. Волянский С., Калужный Д. Путь на Восток или без вести пропавшие во времени. Хронотрон версии мировой истории. № 2. М. 1998. С. 119.
16. Потапов Л.П. Шаманский бубен качинцев как уникальный предмет этнографических коллекций // Сборник Музея антропологии и этнографии. Материальная культура и мифология. Л., 1981. Вып. 37. С. 124-125.
17. Карацуба И.В. Образ Сибири в английской “Россике” XVI-XIX вв. // Восток и Россия: Взгляд из Сибири. Иркутск. 1996. С. 222-223.
18. Колмаков Ю.П. Иркутская летопись, 1661-1940 гг. Иркутск, 2003. С. 21.
19. Иркутская летопись, 1661 – 1940 гг. /сост. Ю.П. Колмаков/. Иркутск, 2003. С. 30.
20. Румянцев Г.Н.. Работы Хангалова о шаманстве у бурят. Отдел памятников письменности Востока. ИМБиТ. БНЦ СО АН (г. Улан-Удэ). Ф. 17, оп.1, д.171, л.2.
21. Бойко В.А. Хантыйское шаманство в русской этнографической литературе XIXв.// Народы Сибири. История и культура. Новосибирск, 1997. С.11-12, 16.
22. Маак Р.К. Вилюйский округ Якутской области. СПб. 1887. Издание первое, часть 3. С. 113, 119.
23. Отчёт Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1882 год. СПб. 1883. С. 8.
24. Отчёт Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1883 год. СПб. 1884. С. 6.
25. ГАИО. Ф. 293, оп.1, д. 43, л. 299.
26. Отчёт Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества за 1912 год. Иркутск. 1914. С.5.
27. Отчёт Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1885 год. СПб. 1887. С. 16.
28. Копылов В.Ф. О религиозных верованиях, обрядах и жертвоприношениях северо-байкальских бурят-шаманистов. Иркутские Епархиальные ведомости. 1885. № 51; Тайлганы, или общественные жертвоприношения у северо-байкальских бурят // Иркутские епархиальные ведомости. 1886. № 12 – 13.
29. Записки общества изучения Амурского края. Владивостокского отделения Приамурского отдела Русского Географического Общества. Владивосток, 1922. Т. XVII, С. 3.
30. Отчет ВСОРГО за 1892 год. Иркутск. 1894. С. 21.
31. ГАИО. Ф.293, оп.1, д.494, л.1.
32. ГАИО. Ф.293, оп.1, д.380, л.74.

33. Отчет о деятельности Восточно-Сибирского Отдела ИРГО. Иркутск. 1892. С. 14.
34. Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят. Новосибирск, 2000. С. 18, 37, 41.
35. Отчет о деятельности Восточно-Сибирского Отдела ИРГО. Иркутск. 1892. С. 14.
36. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989. С.153.
37. Иркутская летопись 1661-1940 гг. Составитель Ю.П. Колмаков. Иркутск. 2003. С. 156.
38. Архив БНЦ СО РАН отдел памятников письменности Востока. Ф.17, оп.1, д. 171, л.1.
39. Этнографический бюллетень № 3. Иркутск. Март. 1923. С.3.
40. ГАИО. Ф. 293, оп.1, д. 380, л. 78.
41. ГАИО. Ф.Р. 2823, оп.1, д.585, л.1-4 об.
42. Отдел памятников письменности Востока. ИМБиТ. БНЦ СО АН (г. Улан-Удэ). Ф.26, оп.1, д.102, д.112, д. 143. Ф.4, оп.1. . Историческая справка, л.1.
43. Халтаева О.Р. Материалы о бурятах в архиве Г.В. Ксенофонтова // Известия. Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск. 2006. вып. 5. С. 138-139.
44. Харитонов В.И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М. 2006. С. 9.
45. Окладникова Е.А. Концепция культуры и этнографический музей // Музей XXI век. Взгляд в прошлое и будущее. Материалы международной научно-практической конференции. Пермь. 1999. С. 24.
46. Ярошевская В.М. Музей и общество // Музей и общество. Материалы Международной конференции Красноярск, Россия. 10-13 сент. 2002. С. 22.